

построения высказывания. Это не могло не отразиться на рекламе, сильно ориентированной на национальную традицию и менталитет.

Литература

1. *Карнеги Д.* Как завоевать людей и оказывать влияние на людей. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить. Минск, 1990.

ЛУНАРНАЯ СИМВОЛИКА В СБОРНИКЕ «СЕТИ» М. КУЗМИНА

Т. Ю. Миронова

Первое издание сборника «Сети» вышло в апреле 1908 г. в московском символистском издательстве "Скорпион". Появление первого сборника Кузмина в среде символистов было отмечено как явление значимое. В.Я. Брюсов высоко оценил книгу еще в период ее печатания: в письме Кузмину от 15 февраля 1908 г. он отмечал: «Если Вы позволите мне выразить свое мнение кратко и просто, я скажу: «Прекрасная книга» [4, с. 74]. Восторженную характеристику «Сетям» дал А. Блок: «Господи, какой Вы поэт и какая это книга! Я во все влюблен, каждую строку и каждую букву понимаю...» [1, с. 241].

Об эстетическом значении «Сетей» в творческом наследии Кузмина свидетельствует и его собственная оценка этой книги. Пользуясь гимназической системой оценок, он с некоторым колебанием ставит "Сетям" все-таки пятерку, вышедшие в 1912 году "Осенние озера" получают лишь тройку, а "Глиняные голубки" 1914 года оценены и вовсе безнадёжной двойкой [2].

Символика луны играет в сборнике «Сети» немаловажную роль. Очевидно, что в количественном плане она уступает солярной (всего в сборнике лишь пять стихотворений, содержащих образ луны), однако ни в коей мере не уменьшает ее смысловой наполненности.

В первую очередь луна интересует нас в противопоставлении солнцу. «Солнце всегда одно и то же, всегда равно себе, никогда ни в каком смысле не пребывает в становлении. Луна же прибывает, убывает и исчезает, она – тело, подвластное всеобщему закону становления, рождения и смерти. Подобно человеку, Луна встречает на своем пути трагедии, ибо ее «ослабление» (уменьшение размеров и формы по фазам), как и ослабление человека, кончается смертью. Три ночи звездное небо лишено Луны. Но за этой «смертью» следует возрождение: новолуние. Угасание Луны в «смерти» никогда не окончательно» [5, с. 154]. Согласно этой точке зрения, луна – носитель определенной временной соотношенности. Но луна является более «приземленным», нежели солнце,

не только в физическом отношении (ведь расстояние от Земли до Луны во много раз меньше, чем от Земли до Солнца), но и в значении отнесенности к человеку. Лунный цикл более явно соотносится с жизнью человека, с мифическими представлениями о рождении – смерти – воскрешении. «Лунное» непостоянство в принципе больше присуще человеческой природе, чем статичность Солнца.

Луна выступает как символ обобщающая эмблема: «не может быть символа, обряда или мифа о Луне, который бы не подразумевал всех лунных ценностей, известных в данное время. Не может быть части без целого» [5, с. 155].

Луна обладает ограниченной временной локализацией, и этим она также противопоставлена солнцу: время луны – ночь, в то время как солнце «правит» и утром, и днем, и вечером. Поэтому лунарная символика не выступает в лирике Кузмина изолированно: она является как бы продолжением «солнечной темы».

Взаимодействие луны и солнца ярко проявляется на уровне египетской мифологии, с которой глубоко связана поэзия Кузмина. Бог Тот (Джехути) – в египетской мифологии бог луны, мудрости, счета и письма, создатель календаря. Тот, отождествляемый с луной, считался сердцем бога Ра и изображался позади него, поскольку являлся ночным заместителем солнца. Получается, что луна подчиняется солнцу, одновременно являясь его необходимым помощником.

Первое стихотворение сборника «Сети», в котором содержится символ луны – это стихотворение «Зачем луна, поднявшись, розовеет...» [3, с. 24] из раздела «Любовь этого лета».

Поскольку «Любовь этого лета» представляет собой своеобразную летопись любовного чувства, неудивительно, что перед нами поочередно предстают все его этапы. В указанном стихотворении луна служит фоном и соответствующим символом воспоминаний лирического героя:

Когда не вижу я твоих очей,
Любви ночей воспоминанья жгут –
Лежу – и тут ревниво стерегут
Очарованья милых мелочей...

Картина тихого ночного пейзажа противопоставлена чувствам, охватывающим лирического героя:

Зачем луна, поднявшись, розовеет,
И ветер веет, теплой неги полн.
И челн не чует змейной зыби волн,
Когда мой дух все о тебе говеет?

Луна выступает как образ, задающий общую тональность, ведущий за собой другие картины и символы. Эта строфа вообще насквозь «пропи-

тана лунностью»: дело в том, что луна в мифологических представлениях разных народов неизменно связывалась с водой, а «лунные божества сохраняют более или менее очевидные свойства или функции воды» [5, с. 158]. Так, в египетской мифологии Осирис обладает лунными и водными атрибутами.

Эпитет «змейная» отсылает нас к змее как лунному воплощению, потому что «она появляется и исчезает и потому что у нее столько же витков, сколько у Луны дней» [5, с. 163].

Таким образом, создается настроение «мыслей нежных и печальных» [3, с. 24]. В этих мечтаниях проходит ночь – «огнем последним светят фонари...» и приходит «блеск неверный утреней зари...». Получается, что мы снова приходим к солярной образности.

В стихотворении «Я изнемог, я так устал...» [3, с. 26] нашел отражение другой этап любовных переживаний: лирический герой мучим разлукой с любимым человеком, ревностью, сомнениями. Возлюбленный – это единственная ценность в жизни. Но речь и о жизни, отнесенной к прошлому, к миру воспоминаний:

Я изнемог, я так устал.
О чем вчера еще мечтал,
Вдруг потеряло смысл и цену.
Я не могу уйти из плену
Одних лишь глаз, одних лишь плеч,
Одних лишь нежно-страстных встреч.

В следующей строфе мы находим лунарный символ – «месяц молодой». Но как ни парадоксально, «молодой месяц» не является символом «молодого» чувства. Напротив, он контрастно подчеркивает глубину, накал, кульминацию переживаний:

Как раненый в траве лежу,
На месяц молодой гляжу...

Следующий лунный символ мы находим уже во второй части «Сетей» – стихотворении «Прогулка на воде» [3, с. 39] из цикла «Ракеты»:

Сквозь высокую осоку
Серп серебряный блестит;
Ветерок, летя с востоку,
Вашей шалью шелестит.

Можно предположить, что в данном случае «серп серебряный» не несет дополнительной смысловой нагрузки, а выступает наряду с «высокой осокой», «ветерком» и «ржаньем табуна» средством создания общей «ночной» тональности. Это лишь пейзажное обрамление, фон для рассуждений. Тем не менее, наличием лунного символа можно объяснить

загадку в конце стихотворения: как луна характеризуется непостоянством, так течение жизни непредсказуемо:

На воде прогулки сладки –
Что-то ждет нас впереди?

На примере рассмотренных стихотворений мы видим различную смысловую наполненность лунарной символики. Она выступает и как символ любовных переживаний, и как внешний атрибут при этом.

Лунарные символы, находясь в непосредственной связи с солнечными, выступают и в качестве самостоятельных художественных элементов. «Лунность» у Кузмина также имеет глубокую генетическую связь с мифологическими представлениями.

Литература

1. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963.
2. Богомолов Н. А. «Любовь – всегдашняя моя вера» // Интернет-адрес: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin0_1.shtml/.
3. Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990.
4. Медведев П. Арабески. I. М. Кузмин. «Осенние озера» // Новая студия. 1912. № 9.
5. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ XVIII ВЕКА)

Н. А. Мыкуш

В современной филологической науке изучению эпистолярных текстов уделяется много внимания. В качестве примера могут служить работы таких исследователей, как А. А. Акишина, Н. И. Формановская, Н. И. Белонова, Л. А. Глинкина, А. В. Курьянович, В. А. Фалина и др. В целом интерес исследователей к переписке, особенно к частной, определяется тем, что эти письма наиболее приближены к ситуации непринужденного общения, свободны в речевых проявлениях, дают представление о состоянии живой литературно-разговорной речи. Особый интерес представляют письма писателей, раскрывающие личность автора во всей ее сложности и неповторимости. Однако письма писателей XVIII века изучены меньше по сравнению с перепиской писателей XIX-XX веков. Материалом для нашего исследования послужили частные письма из сборника «Письма русских писателей XVIII века». В нем собрано около 250 писем, принадлежащих 14 поэтам и писателям. Нами проанализирована переписка В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, Н. А. Львова, Г. Р. Державина, М. Н. Муравьева, И. Ф. Богдановича, И. И. Дмитриева